Юрий Сушко

Друзья Высоцкого

Биографии великих

Неожиданный ракурс

Юрий Михайлович Сушко
Друзья Высоцкого
Серия «Биографии великих. Неожиданный ракурс»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671065
Юрий Сушко. Друзья Высоцкого: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52024-4

Аннотация

Есть старая мудрая поговорка: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. И в самом деле, как часто мы судим о людях по тому, кто их окружает, с кем они проводят большую часть своего времени, с кем делятся своими радостями и печалями, на кого могут положиться в трудную минуту, кому доверить свои самые сокровенные тайны. Друзья не только характеризуют друг друга, лучше раскрывают внутренний мир человека. Друзья в известной мере воздействуют на человека, изменяют его на свой лад, воспитывают его. Чтобы лучше понять внутренний мир одного из величайших бардов прошлого века Владимира Высоцкого, нужно присмотреться к его окружению: кого он выбирал в качестве друзей, кому мог довериться, от кого ждал помощи и поддержки. И кто, в конце концов, помог Высоцкому стать таким, каким мы его запомнили. Истории, собранные в этой книге, живые и красочные, текст изобилует великолепными сравнениями и

неизвестными ранее фактами из жизни замечательных людей. Читая его, ощущаешь и гениальность самого Высоцкого, и талантливость и неординарность его друзей.

Содержание

Владимир ВЫСОЦКИЙ: 6
«В НАШ ТЕСНЫЙ КРУГ НЕ КАЖДЫЙ ПОПАДАЛ…» 9
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Юрий Сушко
Друзья Высоцкого

Владимир ВЫСОЦКИЙ: «МНЕ – ЧТОБ БЫЛИ ДРУЗЬЯ…»

Высоцкий иной раз мог сфальшивить на сцене или в кадре, мог сбиться, исполняя песню. «Врун, болтун и хохотун» обожал розыгрыши. Но, взяв в руки перо и бумагу, как перед иконой, он никогда не лгал. Осенью 1967 года Владимир Семенович в своем дневнике писал: «У меня очень много друзей. Меня Бог наградил. Одни пьют и мне не дают, другие не пьют, но на меня не пеняют. Все друзья на одно лицо, – не потому, что похожи, а потому, что друзья. И я без них сдохну, это точно. Больше всего боюсь кого-то из них разочаровать. Это-то и держит все время в нерве и на сцене, и в песнях, и в бахвальстве моем…»

Окружение Высоцкого калейдоскопически менялось, что, в общем-то, естественно и вполне объяснимо. Ведь нечто подобное происходит почти с каждым из нас, верно?.. Первые дворовые стайки сменяют одноклассники, потом появляются институтские товарищи, коллеги по работе и т. д. Под напором обстоятельств кто-то неизбежно ускользает в тень, находя иной круг общения, а полузабытый школьный приятель вдруг выныривает рядом с тобой и становится своим уже в твоей взрослой компании.

Владимира Семеновича всегда тянуло к личностям яр-

ким, нестандартным, творческим, вне зависимости от рода занятий. Будь то художник или поэт, режиссер или старатель, философ, мореход, летчик, музыкант, альпинист или клоун. Профессия как таковая не имела никакого значения. Жизнь несла ему навстречу всех подряд. Вопрос – какого человека из этого потока выделить, за кого зацепиться, на чье плечо опереться. Только ведь друзей же не выбирают – людей притягивают друг к другу незримые, космического, вероятно, происхождения, мощнейшие магниты. В своем последнем интервью он, словно подводя итоги и думая о дне сегодняшнем, сказал: «Я жил и продолжаю жить для своих друзей. Понимаете?..» Валерий Золотухин подтверждал: «Для него главным в жизни всегда были друзья. Не жена, не дети, не карьера, а друзья».

Другом Высоцкого мог считаться лишь тот, кого он сам считал своим другом. Самое слово – Друг – он возвел на самый высокий, олимпийский пьедестал. Хотя говорил об этом очень просто, приземленно: «Дружба – это не значит каждый день друг другу звонить, здороваться и занимать рубли… Это просто желание узнавать друг о друге, что-то слышать и довольствоваться хотя бы тем, что вот мой друг здоров, и пускай еще здравствует…»

Марина Влади замечала: «В каждый период своей жизни у тебя был какой-нибудь закадычный приятель. За двенадцать лет их было семь. Меня поражало, как тебе необходимо их присутствие, общие секреты, сидение на кухне целыми

ночами…» Великолепная семерка. Число магическое. Поэт сам подсказывал: «Словно с е м ь заветных струн зазвенели в свой черед…»

Своих близких друзей – Кочаряна и Макарова, Шемякина и Шукшина, Гагарина и Хергиани, братьев Вайнеров и Енгибарова, Гарагула и Любимова, Туманова и Льва Яшина, Абдулова, Смехова и прочих – Высоцкий щедро одаривал, посвящая им свои стихи и песни. Сотни, тысячи листов с рукописными поминальными стихами анонимных друзей Высоцкого сплошь укрыли, как траурные венки, могилу Владимира Семеновича на Ваганьковском кладбище в конце июля 1980-го…

Повествуя о близких друзьях Владимира Высоцкого, можно легко оступиться, кого-то обидеть, задеть в попытке расставить их всех по ступеням умозрительной иерархической лестницы. Более справедливым и, безусловно, честным, пожалуй, будет простой хронологический отсчет.

«Людя́м, – не раз повторял Высоцкий, – должно быть хорошо…»

«В НАШ ТЕСНЫЙ КРУГ НЕ КАЖДЫЙ ПОПАДАЛ…»

Артур Макаров, Левон Кочарян и другие

– Алло, милиция?!.

– Дежурный ОВД Западного административного округа слушает.

– Пожалуйста, приезжайте скорей! Улица 26 Бакинских комиссаров, 8, корпус семь, 75-я квартира… Тут труп мужчины, весь в крови. Кто говорит?.. Я – дочь хозяйки квартиры Катя…

– Ждите, сейчас будем, – сказал дежурный. И включил селекторную связь: – Опергруппа, на выезд! «Мокруха» у нас…

Прибывших на место сыщиков у подъезда дома встречала растерянная молодая женщина, которую поддерживали под руки двое мужчин. Оперативники поднялись на 16-й этаж и вошли в квартиру.

В одной из комнат на залитом кровью диване распростерлось тело. Осторожно сдернув одеяло, увидели, что из груди убитого торчит воткнутый по самую рукоятку диковинный нож. Молодой женщине стало совсем плохо, и ее тут же

спровадили на кухню, усадили на табурет, в чашку налили воды. Едва она пришла в себя, приступили к расспросам:

– Убитого знаете?

– Да. Это – Макаров Артур Сергеевич. Хороший мамин знакомый.

– А мама где?

– Мама? В Глуши.

– В какой еще глуши?

– В Глуши. Это деревушка такая, на Псковщине. У нее там дом…

– А что здесь делал Артур Сергеевич?

– Он жил с мамой.

– И кто у нас мама?

– Прохоренко. Жанна Трофимовна Прохоренко. Киноактриса. Я же говорила там этому вашему…

Опера переглянулись: во, попали!.. Только актрис им еще не хватало, теперь вокруг такую шумиху раздуют… Мама, не горюй! Ладно, разберемся.

– Давай, стажер, садись, пиши протокол: «Третье октября 1995 года… На основании сообщения оперативного дежурного… руководствуясь статьями УПК, произвел осмотр места происшествия, с участием…» Паспортные данные понятых потом запишешь… Дальше: «Осмотр производился с 11 часов 15 минут до…» Ну, это после. Еще пиши: «…в условиях естественного освещения, пасмурной погоды, при температуре + 13 градусов по Цельсию. Осмотром установле-

но… Комната размером 5х3,5 м, прямоугольная, окно одно, трехстворчатое, обращено на северо-восток, входные двери в комнату и на кухню к началу осмотра были заперты и видимых повреждений не имеют…»

По квартире были разбросаны вещи. С первого взгляда стало ясно, что жертву перед смертью пытали. Руки покойного, здорового, крепкого мужика, были выкручены и связаны за спиной капроновым шнуром. В груди торчал диковинный клинок, ниже зияла еще одна глубокая ножевая рана.

Заместитель прокурора Никулинской межрайонной прокуратуры Решетников без особого интереса, с некоторой брезгливостью осмотрел место происшествия, покачал головой и на 17.00 назначил сбор оперативной группы у себя в кабинете. Расследование уголовного дела № 2261947 по факту убийства гражданина Макарова Артура Сергеевича, 1931 года рождения, он поручил следователю Ревазишвили.

На допросе личный водитель, он же охранник, Макарова Владимир Мочалов показывал: «Обычно я забирал шефа из дома в 10.15 утра. В указанное время поднимался в квартиру и звонил специальным кодом. Лишь после этого он открывал мне дверь. 3 октября в 9 утра я позвонил Макарову по телефону. Но трубку никто не поднимал. Обеспокоенный этим, связался с Джапаридзе (приятель Макарова, генеральный директор совместного предприятия «Квинт». – Ю. С.), который попросил меня поехать к шефу домой и позвонить условным сигналом в квартиру. Но это не дало ника-

ких результатов. Пришлось вызывать дочь Ж. Прохоренко Катю, которая жила на той же улице и имела ключи от входной двери. К этому моменту подъехал Тариэл Джапаридзе. Все вместе мы поднялись в квартиру, где на диване обнаружили мертвого Макарова, накрытого с головой одеялом… Вызвали милицию. Все».

Это «мокрое» дело с самого начала следователю показалось дурно пахнущим. Прежде всего настораживала личность потерпевшего. Еще бы: родство со знаменитыми на весь Союз людьми, сожительство с известной киноактрисой. Ревазишвили прекрасно помнил старые фильмы с ее участием – ну, «А если это любовь?» или «Балладу о солдате». Сам покойник, как выяснилось, тоже имел отношение к кино, сценарии писал, что ли; правда, в последние годы больше занимался каким-то странным бизнесом. Его фирма «Арт Гемма», по данным оперов и налоговиков, изготовляла диковинные гвозди с серебряными шляпками для реставрации старинной мебели. Судя по всему, дела у Макарова шли вроде бы неплохо. Хотя, с другой стороны, откуда такой спрос на эти гвозди, неужели столько антиквариата у людей завелось? А по документам, производство этих гвоздей шло чуть ли не в промышленных масштабах… Чушь какая-то. Смех и грех, ей-богу…

* * *

Даже среди своих, за дружескими посиделками на Большом Каретном, из Артура невозможно было выудить лишнее словцо о его детских годах. Не слишком вдавался в подробности туманной истории, как в десять лет его усыновили известнейшая актриса Тамара Макарова и ее муж, не менее знаменитый режиссер Сергей Герасимов, – поистине королевская чета советского кино.

Артур был сыном родной сестры Тамары Федоровны Людмилы, которая имела неосторожность выйти замуж за инженера немца Адольфа Цивилько. Накануне войны мужа арестовали, заподозрив в шпионаже в пользу нацистской Германии. Последующая судьба ЧСИР – членов семьи изменника родины – была известна: жену – на поселение, ребенка – в детский дом для таких же лишенцев. По другому семейному преданию, Адольф Цивилько, будучи горячим поклонником своего бесноватого тезки, каким-то образом все же сумел удрать в Германию, бросив семью на произвол судьбы. А за грехи его пришлось расплачиваться матери Артура, получившей бессрочную ссылку. Так или иначе, но дальнейшая доля мальчика рисовалась сущим адом. Автору всенародно любимых фильмов «Семеро смелых», «Учитель», «Комсомольск», лауреату Сталинской премии Сергею Аполлинариевичу Герасимову пришлось приложить невероятные

усилия, включить все связи и рычаги влияния, чтобы спасти подростка. Своих детей у Герасимова и Макаровой не было, и на семейном совете было решено усыновить племянника, который в итоге стал Артуром Сергеевичем Макаровым.

С юных лет самостоятельный, упрямый, он решает по-своему выстроить будущую судьбу и после школы выбирает Саратовское танковое училище. Наперекор мнению окружающих, получая при этом инъекцию самоуважения. Правда, учиться там ему довелось всего лишь два года: получив тяжелую травму на учениях (ему на голову обрушился ствол башенной пушки), курсант Макаров был комиссован. По возвращении в Москву Артур некоторое время неприкаянно болтался, говоря нынешним языком, по тусовочным компаниям.

Дом Герасимова и Макаровой был образцовым светским салоном в советском стиле. Его с удовольствием посещали и сливки московской творческой элиты, и многие зарубежные звезды. Здесь случались импровизированные домашние концерты, порой велись разговоры с дозированным привкусом вольнодумства. Одновременно это была творческая мастерская, в которой работал маститый режиссер и сценарист, замечательный педагог института кинематографии, в чем ему активно помогала жена. Вся эта атмосфера, разумеется, плотно окутывала Артура, незадавшегося танкиста, который с юных лет проявлял склонность к сочинительству. В конце концов, после долгих метаний он поступил в Литера-

турный институт. Там он быстро миновал период ученичества и стал заметным, подающим надежды студентом.

Разумеется, молодого человека, кроме аудиторных занятий, обуревало множество иных интересов. Тем более, он был убежден, что учиться писать – дело зряшное и абсолютно бесперспективное. Другой вопрос: иметь постоянную возможность показывать свои литературные опыты маститому, опытному прозаику, послушать его замечания, советы (пусть даже не соглашаясь с ними) было полезно. Впрочем, Артура изгнали уже с первого курса за всякого рода вольности, в том числе и словесные. Причем в весьма приличной компании – вместе с Беллой Ахмадулиной и Леонидом Завальнюком. На восстановление ушло немало времени, сил, а главное – унизительных ходатайств приемного отца и его многочисленных влиятельных друзей. В итоге Макаров все-таки остался постигать премудрости писательского ремесла на заочном отделении Литинститута.

В начале 1950-х одним из самых модных и для многих недоступных (а оттого еще более заманчивых) заведений в Москве было кафе «Спорт» у Белорусского вокзала, где был и танцевальный зал, и бильярдная, и пивной бар. Там собирались как профессиональные бильярдисты и шулеры, популярные спортсмены, актеры и певцы, так и те, кто искренне верил в свое будущее высокое предназначение – стать именем в литературе, кино, музыке, театре, живописи, науке. Юлик Ляндрес еще не был знаменитым писателем Юлианом

Семеновым, Эдуард Хруцкий и не помышлял о сочинении детективов, Илья Глазунов, тяготясь ролью скромного подмастерья, лишь втайне мечтал о карьере придворного портретиста, а будущий великий кинорежиссер Андрей Тарковский пока был вынужден зубрить арабский в институте востоковедения.

Именно за столиком в «Спорте» Артур Макаров познакомился с Левоном Кочаряном, который хотя и не был ни режиссером, ни художником, ни поэтом, ни актером, но уже был тем человеком, дружить с которым почитали за честь. Юлиан Семенов писал потом, что Левон был душой Москвы тех лет: его знали и любили люди разных возрастов и профессий – грузчики, писатели, кондукторы трамваев, жокеи, актеры, профессора, летчики: он обладал великолепным даром – влюблять в себя сразу и навсегда. Кочарян прекрасно знал кино, литературу, музыку, был мастером на все руки. Шил себе рубашки, делал абажуры, показывал фокусы, играл на гитаре, на съемках водил танки, лихо скакал на коне, однажды в черноморском порту запросто пришвартовал большегрузный корабль. Кроме всего прочего, обожал эпатировать публику: мог выпить бокал шампанского и закусить фужером или лезвием бритвы, а то и проколоть щеку иглой (восхищаясь способностями Левона, Владимир Высоцкий наделял ими своих песенных героев: «Могу одновременно есть бокалы и Шиллера читать без словаря…» и пр.). Но главным его достоинством было колоссальное концентриру-

ющее начало.

Как и Макаров, Левон рос в творческой среде. Его отец – известнейший чтец-декламатор, народный артист РСФСР и Армении, лауреат Сталинской премии Сурен Акимович Кочарян. Но шагать в искусство по отцовским стопам сыну никак не хотелось. Левон позанимался некоторое время в училище гражданской авиации, потом поступил в институт востоковедения, а затем перевелся на юридический факультет МГУ.

В предвкушении романтики оперативной работы молодой юрист Кочарян, придя в прославленный МУР, весьма скоро остыл, обнаружив, что обычная рутина, бюрократическая писанина и прочая тягомотина отнимают куда больше времени и ценятся выше, чем непосредственно розыск, мужество, открытый поединок с преступником. Разочаровавшись, он ушел из угро и вновь круто изменил свой жизненный курс. Да и гены наверняка тоже сказывались. Он окончил Высшие операторские курсы и вскоре стал на киностудии «Мосфильм» незаменимым вторым режиссером – «первым среди вторых», пройдя обкатку у Сергея Герасимова на съемках шолоховского «Тихого Дона».

Попробовать Кочаряна порекомендовал отчиму, естественно, Артур Макаров. Друга Левон не подвел.

Сергей Аполлинариевич не без оснований побаивался мнения строптивого Шолохова по поводу режиссерского сценария «Тихого Дона». Вот и придумал строгий «экзамен»

для своего нового помощника: «Отправляйся-ка ты к Михаилу Александровичу и без утвержденного им сценария первой серии не возвращайся». Очевидец рассказывал: «В Вешенской появился очень симпатичный человек от Герасимова, который сразу понравился Шолохову. Они беседовали, гуляли, и у них сразу возникли какие-то теплые отношения. Михаил Александрович довольно быстро прочитал и подписал сценарий… И даже сказал по телефону Герасимову: «Если следующую серию привезет не Кочарян – не подпишу…»

В середине 50-х Левон познакомился с очаровательной студенткой Щукинского театрального училища Инной Крижевской, которая жила в доме на Большом Каретном, и скоро переехал к ней навсегда. У них была трехкомнатная квартира, что по тем временам было вызывающей роскошью. Ведь большинство москвичей жили в коммуналках, ютясь в одной («буржуи» – в двух) комнатушке. Но дом № 15 был особым, принадлежавшим могучему ведомству ГПУ-НКВД, и жилье в нем полагалось начальнику одного из ведущих управлений наркомата Александру Крижевскому, которое затем отошло его дочери Инне. Немудрено, что эти хоромы стали замечательной штаб-квартирой компании, которую потом назвали кочаряновской.

В глазах тогдашней спутницы Высоцкого Люси Абрамовой Левон был среди всех них как бы директором интерната или большого детского дома. Это был человек, к которому людей тянуло – не просто людей, а тех, которые нуждались

в помощи, тепле, поддержке… Но не только в помощи, но и в жесткой критике – ведь они побаивались Леву. И Володя в том числе. Он мог быть грубым, мог врать женам своих друзей, глядя спокойно в глаза, – но это было потому, что он был их воспитателем и все были – его семья.

В нашей компании, рассказывал Артур Макаров, существовала «первая сборная» – Кочарян, Утевский, Гладков, Георгий Калатозишвили, которого все звали «Тито», потом туда влился еще криминалист Ревик Бабаджанян. А во «вторую сборную» входили Высоцкий, Акимов, Свидерский, Кохановский… Почему «вторая»? Но они же тогда были еще почти пацаны. И попасть в «основу» было невероятно трудно. Но Володя, вспоминал Артур Сергеевич, даже когда и песен не было, когда он еще не был тем самым Высоцким, всегда на равных сидел за столом с «первой сборной»… Наш несколько прямолинейный девиз – «Жизнь имеет цену только тогда, когда живешь и ничего не боишься» – он очень близко принял к сердцу. Потому что Володя, если не всегда мог делать то, что хотел, никогда не делал того, чего не хотел. Никогда!»

В компании не боролись за лидерство. Даже амбициозный Макаров признавал: «Влияние Левы на Володю, да и не только на него, на всех нас и еще многих и многих, было огромно, его нельзя переоценить». Ребята знали: все на Большом Каретном решал Лева Кочарян – мягко, ненавязчиво, но окончательно.

«Правила общежития у нас сложились вполне определенные, – вспоминал Макаров, – мы были близкие друзья, а это значит, что жили мы, по сути дела, коммуной… Если применить более позднее определение, все мы являлись тунеядцами… Для окружающих мы были тунеядцами потому, что почти никто из нас не работал, то есть все мы работали и работали много, но как? Без выдачи зримой, весомой, а главное – одобренной продукции. Все очень много работали, но каждый – в том направлении, в котором хотел. Никто нигде не состоял и ничего практически не получал. Володя вместе с одним товарищем написал «Гимн тунеядцев»… Гимн этот регулярно исполнялся с большим подъемом. И даже в нем проскальзывало то, что держало эту компанию:

…И артисты, и юристы.
Тесно держим в жизни круг,
Есть средь нас жиды и коммунисты,
Только нет средь нас подлюг!..

В те годы подобный образ жизни – на «вольных хлебах» – строго карался. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни» так называемые «тунеядцы» все поголовно подлежали высылке и отбывали трудовую повинность (принудработы). Под горячую руку попал и Макаров. Его внезап-

но выселили из Москвы. Хотя к тому времени он профессионально занимался литературным трудом, в частности переводами, а точнее – литобработкой подстрочников произведений среднеазиатских авторов. При его участии (как переводчика) вышли из печати два романа, повесть, пьеса. Был получен и успешно проеден гонорар. Но трудовой книжки как таковой он, естественно, не имел, что автоматически означало зачисление в сословие тунеядцев. Возвращению Артура в столицу помогло лишь заступничество редколлегии журнала «Новый мир», куда он регулярно носил свои прозаические опыты. Словом, Макарова милостиво оставили в покое, но с обязательным условием – вступить в групком (т. е. профсоюз) столичных литераторов.

Еще одна цитата из «Гимна тунеядцев»:

Идем сдавать посуду,
Ее берут не всюду.
Работа нас не ждет,
Ребята, вперед!

Случались дни, когда сдача пустой посуды и впрямь становилась единственным источником пополнения бюджета коммуны. Но «счастливых нищих» отличала природная гордость, и распоясавшихся наглецов они умели ставить на место. Был случай, когда один уже известный поэт, захаживающий временами на Большой Каретный, позволил себе публично с пренебрежением отозваться о своих молодых дру-

зьях: «Да я же их всех кормлю!..» При первой же встрече со стихотворцем то ли в ВТО, то ли в Доме кино ребята вежливо его остановили:

– Гриша! Во-первых, ты кормишь плохо. Невкусно! Во-вторых, мы считали, что это – из дружеского расположения. И в-третьих, кормят содержанок – друзей угощают! Так что, мы у тебя на содержании?..

Поэт Гриша с того вечера долго не показывался в доме Кочаряна. Потом пришел с покаянными извинениями.

Когда материальные дела «коммуны» оказались на грани катастрофы, пришлось посягнуть на святая святых – жилище Кочарянов. На общем сборе, рыдая, разрешили хозяину сдать внаем его квартиру на полгода денежному клиенту. В качестве временной обители Володя Акимов (из «второго состава») великодушно предложил свою огромную, 40-метровую, комнату в коммунальной квартире. Комната была уставлена старинной мебелью, на стене висели каска с надписью «Если завтра война», пыльная отцовская бурка и старая шашка, а также сиротская вязанка сушеного лука. Жить можно!

А когда «костлявая рука голода» дотянулась и сюда, Макаров предложил Акимову «оригинальное» решение проблемы: «Володь, давай твою комнату обменяем с доплатой на меньшую. Чегой тебе такая большая комната? Зачем она тебе? Давай обменяем – и денежка будет…» Уговаривать хозяина пришлось недолго, и в итоге был произведен обмен на

20-метровую комнату в том же доме, в соседнем подъезде. Но с денежной доплатой и магнитофоном, правда едва работающим. На вырученные деньги были куплены диван-кровать, шкаф, два кресла и журнальный столик. Потом кто-то с первых случайных доходов приобрел обеденный стол. Журнальный был мал – каждый вечер меньше пятнадцати человек тут не собиралось. Диван законно занимала супружеская чета Кочарянов, на полу расстилалась бурка, на которой почивал Акимов. Для почетных гостей в углу стояла дежурная раскладушка.

На одном из своих последних публичных выступлений в Калининграде в июне 1980 года Высоцкий вспоминал друзей юности: «Это была компания, очень близкая, друзей. Мы жили действительно в одной комнате в квартире моего друга на Большом Каретном полтора года подряд. Кто-то из нас уезжал работать, кто-то работал по договорам… Это такое братство, которое у нас было. Я знал, что, когда я приезжал из какой-нибудь командировки, они ждут от меня песни. И я всегда считал своим долгом написать для них что-нибудь новое. И я знал, что будет атмосфера доверия, раскованности, непринужденности у нас на тех вечерах. Причем это неважно – выпивали мы или нет, это не имело значения. Самое главное, что мы ночи напролет разговаривали, друг другу пели, читали новые рассказы и так далее…»

Если они и выпивали, то не тупо, не для того, чтобы просто опьянеть. Это была нормальная форма общения, при-

правленная какими-то дозами спиртных напитков. Застолье являлось естественной средой, или, как выразился кто-то из современников, идеальным проводником, в котором, как в жидкости, все распространялось быстрее. Они говорили вполголоса, но слышно было порой на всю Москву.

Это был своего рода «праздник, который всегда с тобой». Именно праздник, а не праздность молодых и талантливых людей, которых неведомая сила каждодневно тянула друг к другу.

Когда они начинали, ни у кого из них еще не было возможности печататься, выставлять картины, снимать свое кино, однако их идеи проходили своеобразную устную публикацию, обкатку. Читая друг другу, пытливо всматривались в глаза напротив: раздастся ли смех, откликнется ли созвучием, шевельнется ли что-либо… Формировалось новое творческое поколение. Им было интересно друг с другом. Они обсуждали какие-то вещи, показывали свои стихи, рассказы, рисунки, песенки. Говорили смело, свободно, знали больше того, что рекомендовалось, выискивали какие-то новые, вернее, старые, полузабытые – то ли насильно, то ли в силу обстоятельств – имена. Из рук в руки переходили листки папиросной бумаги с машинописными копиями стихов и рассказов, философских статей. Они выстраивали в их душах какие-то новые ценности.

У Кочарянов любили петь под гитару. Признанными исполнителями были восходящие кинозвезды Олег Стриженов

и Евгений Урбанский, поэт Гарик Кохановский. «Я мог петь что угодно – от блатняка и куплетов до душещипательных городских романсов и серенад, – рассказывал Стриженов о беспечных молодых годах. – Приходишь в компанию, выпьем и – «давай пой!». Еще через десять минут опять: «Бери гитару, пой!» Дошло до того, что я свою гитару подарил другу с надписью: «Жек, играй. Я – закончил!»

А уж когда возникло такое явление, как магнитофон, то вперед с победным криком вырвался Владимир Высоцкий, который смело прошел мимо традиционных жанров. Именно на скрипучем кочаряновском «Днепре-10» были сделаны первые записи песен совсем молодого Высоцкого.

«Компания тогда была интересная, – говорил о тех временах Высоцкий, – было нам немного лет, и у нас были большие перспективы. Вася Шукшин, Лева Кочарян, Тарковский Андрей, Макаров Артур… Это из известных. И есть несколько людей, которые никакого отношения к таким публичным профессиям не имеют… Я помню, какая была атмосфера тогда, когда я первый раз им показывал песни. Я напишу чего-нибудь и покажу им сразу. И была атмосфера доверия, такой раскованности, непринужденности, свободы полной. И самое главное – дружественная атмосфера. Ведь я видел, что им нужно, чтоб я им пел, и они хотят слушать, что я им расскажу в песне. То есть это была манера что-то сообщать и как-то разговаривать со своими друзьями близкими… За столом, с напитками или без – неважно. Мы го-

ворили о будущем, еще о чем-то, была масса проектов. Я знал, что они меня будут слушать с интересом, потому что их интересует то же, что и меня, что им так же скребет по нервам все то, что и меня беспокоит. Это было самое запомнившееся время моей жизни… Можно было сказать только полфразы, и мы друг друга понимали в одну секунду, где бы мы ни были. Понимали по жесту, по движению глаз – вот такая была притирка друг к другу. И была атмосфера такой преданности…»

Потом, когда «правда восторжествовала» и Кочарянам вернулась их трехкомнатная квартира, Высоцкий получил право радостно спеть:

В этом доме большом раньше пьянка была
Много дней, много дней.
Ведь в Каретном Ряду первый дом от угла —
Для друзей, для друзей.
За пьянками, гулянками,
За банками, полбанками,
За спорами, за ссорами, раздорами
Ты стой на том, что этот дом,
Пусть ночью, днем, всегда – твой дом,
И здесь не смотрят на тебя с укорами…

Компания Большого Каретного переулка не являлась каким-то замкнутым кланом. Через распахнутые настежь двери кочаряновской квартиры прошла едва ли не «вся

Москва». Работая в картине «Капитанская дочка», Левон прямо со съемочной площадки умыкнул исполнителя главной роли Олега Стриженова. В пору возникновения на телевидении «Голубых огоньков» (любимой передачи советского народа в начале 60-х) Кочарян был пионером, одним из режиссеров первых программ. Самых интересных гостей «огоньков» Левон сразу после съемок на Шаболовке тащил к себе домой. Боже сохрани, кто б посмел от таких предложений отказаться?! Не мог устоять даже Юрий Гагарин. Не обращая внимания на шум и гам, на Большом Каретном через стенку играли в шахматы вслепую, без досок, завтрашние выдающиеся гроссмейстеры Михаил Таль и Леонид Штейн. С легкой руки Левона в честной компании появился настоящий морской волк, будущая легенда Черноморского флота Анатолий Гарагуля. Потом хозяин представил всем еще одного морехода, некоего Халимонова: «Вот знакомьтесь – Олег. Он моряк. Я хочу снимать его в своем фильме».

Макаров же, разыгрывая из себя крутого, жесткого и решительного парня, далеко не каждому позволял войти в свой «ближний круг». Но тем не менее именно он за руку привел в компанию смущающегося всего на свете, начинающего поэта Давида Маркиша, сына классика еврейской литературы. Пригрел никому не известного художника Илью Глазунова. Собирая материал для очерка о «лучшем советском полицейском» по заданию Агентства печати «Новости», познакомился со славным муровским сыщиком Юрой Гладко-

вым, и вскоре тот стал своим на Большой Каретном.

Время от времени в гости на Большой Каретный из любопытства наведывались поэты Григорий Поженян и Роберт Рождественский. Именно Макаров пригласил неказистого алтайского мужичка, будущего автора «Калины красной» Василия Шукшина. А чуть позже вместе с Шукшиным на очередной вечеринке у Кочарянов появился Андрей Тарковский. Хотя, по мнению Макарова, Тарковский не сразу прижился в компании. Он ведь никого близко к себе не подпускал – в нем постоянно присутствовала изысканная, холодная вежливость. Хотя порой Андрей переставал оценивать людей по степени приобщенности к ценностям мировой культуры, и эта неприступность таяла. Ну, а когда Андрей скромно предложил Урбанскому спеть свою песенку, стилизованную под дворовые шлягеры 50-х: «Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела/И в парке тихо музыка играла,/А было мне тогда еще совсем немного лет,/Но дел уже наделал я немало…», все безоговорочно признали: «Наш человек».

Иногда, в нелегкие часы, Тарковский мечтательно предлагал друзьям: «Ребята, давайте, когда станем богатыми, построим большой дом в деревне, чтобы все могли там жить». У него была такая идея – построить дом-яйцо, в котором все они бы там обитали. И главное – чтобы в этом доме не было бы чужих людей.

Высоцкий же рекомендовал своим взрослым друзьям из «первой сборной» начинающего поэта Игоря Кохановского,

своего однокурсника Георгия Епифанцева, уже прославившегося ролью Фомы Гордеева в одноименном фильме, потом юного студента Школы-студии МХАТ Севу Абдулова. Старшие к ним, новичкам, пристально присматривались, чутко прислушивались. Безоговорочное доверие еще следовало заслужить, доказав, что ты – личность, что кое-что умеешь из того, что не могут другие.

«Услышав первые песни Высоцкого, – вспоминал Кохановский, – мне безумно захотелось написать песню, притом такую, чтобы она понравилась всем нашим». Он рассказывал: «А листья под окнами почти опали. Так недавно еще горели, особенно на кленах, таким невероятным пламенем. И вот их почти нет. Столь же невероятной казалась мне в ту осень встреча с Леной, которую Володя сразу же назвал Марокканкой – за смуглый цвет кожи и иссиня-черные волосы короткой мальчишеской прически. Она и стала героиней уже брезживших во мне стихов. Я сел и, по-моему, за полчаса написал:

Клены выкрасили город
Колдовским каким-то цветом.
Это снова, это снова
Бабье лето, бабье лето…

Мелодия к стихам родилась без особого труда. На следующий день собрались… Шум, гам, анекдоты. Наконец Володя взял гитару. Кажется, у него тогда было 10–12 песен.

Пел и еще какие-то, не свои. Где-то через час решил сделать «передых», как он говорил. «Я, как бы между прочим, потянулся за гитарой, мол, настал и мой черед. Запел как можно спокойнее, задавая себе четкий ритм. Окончил. Тишина. После паузы Артур Макаров, он был старше нас и пользовался авторитетом домашнего мэтра, лукаво-ободряюще сказал: «Давай еще раз». Я понял, что песня получилась, она понравилась…»

Впрочем, вовсе не обязательно допуском в «ближний круг» должны были быть оригинальные стихи, песни, необычные картины, которыми удивляли Володя Акимов и Жора Епифанцев, актерские успехи Севы Абдулова или рассказы Гладкова о поимке опасного преступника.

«Круг Левушкиных знакомств был весьма пестрым, полярным и многоплановым, – рассказывал Анатолий Утевский, который, собственно, и привел своего сокурсника Кочаряна на Большой Каретный. – Некоторые его приятели составляли далеко не самую интеллектуальную часть общества. Скорее, они примыкали к криминогенной, авантюрной его части… Кое-кого знал Володя Высоцкий, которому тогда весьма импонировал их авантюрный образ жизни, возможность разными путями легко зарабатывать деньги и так же лихо, с особым шиком и куражом прокутить их. Днем они занимались какими-то сомнительными делишками, а вечером собирались в модных тогда ресторанах «Спорт», «Национаь», «Астория», «Аврора». Эти ребята, несмотря на при-

надлежность к блатной среде, были фигурами своеобразными, добрыми по своей натуре и обладавшими чертами справедливых людей. Авторитет Левы у них был огромен».

«Мы были знакомы со знаменитой компанией «урки с Даниловской слободы», профессиональными «щипачами», – со смаком вворачивал «феню» в свой рассказ Артур Макаров. – Хотя Володя никогда в «блатных» делах «замазан» не был, он знал довольно серьезно и крепко людей из этого мира, хорошо знал. Некоторые из них очень любили его, и он их тоже, надо сказать».

Свой человек я был у скокарей,
Свой человек у щипачей,
И гражданин начальник Токарев
Из-за меня не спал ночей…

Наиболее яркой фигурой был легендарный московский вор Миша Ястреб, который непременно посещал Большой Каретный (в перерывах между отсидками). Судьба его была страшная, но типичная для послевоенных лет. Воровать начал с голодухи – отца расстреляли по «ленинградскому делу», мать спилась. Позже, «выставляя» номенклатурные «хаты», он называл себя Робин Гудом, народным мстителем. Непререкаемый авторитет среди воров почитал за честь посидеть за одним столом с занятными ребятами с Большого Каретного.

«Мы жили в том времени, – говорил Артур Макаров. – В

послевоенные годы страна была захлестнута блатными веяниями… У нас в школах и во всех дворах все ребята часто делились на тех, кто принимает, грубо говоря, уличные законы, и тех, кто их не принимает, кто остается по другую сторону. В этих законах, может быть, не все было правильно, но были и очень существенные принципы: держать слово, не предавать своих ни при каких обстоятельствах. Законы были очень жесткими. И это накладывало определенный отпечаток на наше поколение, на нашу судьбу… Практически все владели жаргоном – «ботали по фене», многие тогда даже одевались под блатных…»

От общения с Макаровым, фигурой характерной, мощной и очень амбициозной, у многих оставалось двойственное впечатление. Даже сама его внешность была необычной, в его облике было что-то жесткое, даже уголовное: маленькие глаза, почти всегда закрытые темными очками, волевой подбородок… В Артуре было какое-то своеобразное мужское, «суперменское» обаяние. Он во многом копировал вальяжность и ироничность Сергея Аполлинариевича Герасимова. Артур подражал отчиму, который определенно был пижоном и эстетом. Все сходились во мнении, что в Артуре присутствовало нечто западное, и это ощущалось во всем, например в манере одеваться. Первые настоящие джинсы в Москве появились именно у него, потом какая-то шикарная куртка, необычный кепарик. Но он не был тем пижоном, которому хотелось дать по морде. У него был свой стиль, своя

повадка, своя походка, свой прищур. И была удаль. Он был мужчиной, большим и красивым. Хотя Василий Шукшин выпятил в нем другое, когда снимал Макарова в роли одного из бандитов в «Калине красной». В своей киноповести Василий Шукшин карикатурным мазком пригвоздил героя Макарова – «некий здоровый лоб, похожий на бульдога. Кличку носит соответствующую – Бульдя, Бульдог». «Ты имеешь свои четыре класса и две ноздри – читай «Мурзилку» и дыши носом».

Как и многие ровесники, Артур был слегка ушиблен «папой Хэмом». По мнению писателя Михаила Рощина, «Артуру нравился этот образ, и в некотором смысле он работал над этим… Хорошо подражает тот, в ком есть соответствующая мужская закваска… Артур… был нормальный парень, выпивоха, компанейщик. Когда мы утром изнывали с похмелья и денег не хватало даже на пиво, он мог взять в своем богатом доме какой-нибудь магнитофон и тут же продать его официанту…»

«Взгляды героев Хемингуэя, которым мы зачитывались, – подтверждал Игорь Кохановский, – исподволь становились нашими взглядами и определяли многое: и ощущение подлинного товарищества, выражавшееся в формуле «Отдай другу последнее, что имеешь, если другу это необходимо», и отношение к случайным и неслучайным подругам, с подлинно рыцарским благоговением перед женщиной; и темы весьма темпераментных разговоров и споров, а главное – пол-

ное равнодушие к материальным благам бытия и тем более к упрочению и умножению того немногого, что у нас было». А классик молодежной прозы 60-х Василий Аксенов вообще полагал, что «именно Хемингуэй в большей степени ответственен за пьянство моего поколения». Но это так, к слову.

Творческая судьба каждого из них, бытовые проблемы и неурядицы были общей заботой всех. «Вовчик-дебюта» показывается в «Современнике» – все гурьбой на спектакль. А Высоцкий не остается в долгу и прямо со сцены несет отсебятину, по ходу меняя имена героев пьесы Розова «Гнездо глухаря» на фамилии и прозвища друзей, сидящих в тот вечер в зале: «Вся эта ростовская шпана – Васька Резаный, Левка Кочарян, Толян Утевский…»

Макаров горой стоял за своих товарищей. Используя при этом свои, специфические средства. Все знали: ему ничего не стоило дать кому-нибудь в рыло. Как-то после первого закрытого просмотра «Андрея Рублева» Артур, услышав от одного известного актера нелестные отзывы о картине Тарковского, мигом отволок негодника в сортир и избил. В мае 1964 года, когда Высоцкий прогулял все праздничные выступления в театре, вспоминала Людмила Абрамова, Арчик обидел его, но с самыми добрыми намерениями: «Если ты не остановишься, то потом будешь у ВТО полтинники на опохмелку сшибать». И Володя потом понял, несколько раз возвращался к этому: «Да, я понимаю… Меня нужно было чем-то задеть». В педагогическом арсенале Макарова были

и иные, не менее эффективные приемы.

Кочаряновские посиделки Макаров нередко использовал как благодатную аудиторию для своих «идеологических» проповедей. Высшей ценностью был культ брутальной силы – как теперь говорят, «мачизм», – пренебрежительное отношение к женщине как к существу низшему, подчиненному, мужская солидарность, которая проявлялась и в застолье, и в драках, и в «разборках». Артур, пользуясь положением старшего в «первой сборной», внушал молодым, что девушки, чувствуя такое отношение к себе, «сами начинали к себе по-другому относиться… Шалава? Ничего оскорбительного. Шалава – это было почетное наименование, это еще надо было заслужить».

Усек, Вовчик?.. Понял. И словно под диктовку, рождались строки:

Рыжая шалава, от тебя не скрою,
Если ты и дальше будешь свой берет носить,
Я тебя не трону, а в душе зарою
И прикажу залить цементом, чтобы не разрыть!

Наивная, но искренняя Иза, первая жена Высоцкого, легкомысленно определяла свое положение в мужском коллективе: «Кто-то что-то писал, кто-то сочинял музыку, и всё горячо обсуждалось. Плыл сигаретный дым, бутылки водки хватало на всю ночь всей компании, нехитрая закуска из ближайшего овощного (икра «заморская баклажанная»,

морковь маринованная) – разговоры до рассвета. Их мужские проблемы мало занимали меня. Вкрадчиво возникала мелодия сонного адажио, и тогда укладывали меня на диван и укрывали жесткой, пахнущей дымом и шерстью буркой. И переходили на шепот. Блаженно было засыпать в этом теплом мире заботы и нежности…»

Вполне возможно, прочих подруг столь же беспечно мало занимали «их мужские проблемы», а посему расставались с ними легко и без особых сожалений.

Владимир Высоцкий знал, что подарить другу на день рождения, и 22 июня 1963 года он исполнил для Артура и всех гостей свою новую песню «Я женщин не бил до 17 лет»:

…С тех пор все шалавы боятся меня,
И это мне больно, ей-богу!
Поэтому я, не проходит и дня,
Бью больно и долго,
Но всех не побьешь, – их ведь много…

Впрочем, жену себе Артур Сергеевич, человек решительный, выбрал стремительно и безошибочно, разглядев в 18-летней Миле будущую верную спутницу и преданного друга. Вплоть до самой свадьбы невеста знать не знала, из какой именитой семьи ее будущий муж. Впрочем, и потом, на протяжении всего 35-летнего официально длившегося брака, она многого не знала о жизни Артура.

Тот самый культ силы, который исповедовал Макаров,

здесь никто не осмелился бы оспорить. Многие из ребят занимались боксом – и Кочарян, и Макаров, и Юрий Гладков. А Эдик Борисов, который появился в компании чуть позже, и вовсе был чемпионом Союза. По мнению тренеров, Артур вполне мог бы тоже стать хорошим боксером, у него был отличный удар и кураж. Но спорт как таковой его не очень интересовал, он просто учился драться.

Левон Кочарян, как рассказывали друзья, обладал просто невероятной природной силой, но пускал ее в ход только в том случае, когда его к этому вынуждали. «Если в его присутствии кого-то обижали, он немедленно бросался на защиту, – рассказывал Утевский. – Лева хорошо дрался головой, он действительно как бык шел напролом…» И друзья всякий раз оглушительным хохотом сопровождали песню, которую пел Высоцкий:

Я здоров, к чему скрывать, —
Я пятаки могу ломать,
Я недавно головой быка убил,
Но с тобой жизнь коротать —
Не подковы разгибать,
А прибить тебя – моральных нету сил!..

Когда Макаров получил квартиру на Звездном бульваре, он попытался продолжить кочаряновские традиции, но по-своему. Было организовано королевство во главе с Арчем-1 «Единственным». Олега Халимонова он назначил начальни-

ком королевской гвардии, Владимира Высоцкого, естественно, главным трубадуром, Андрея Тарковского магистром искусств, а Тито Калатозишвили – королевским прокурором. Взрослые уже мужики дурачились: приняли устав королевства, сделали печать. Провозгласили, что королевство находится везде… Что члены королевства имеют только права… Что королевские бдения происходят не реже одного раза в месяц… Ну, и так далее. Разумеется, эти ребячьи игрища и забавы продолжались недолго.

Потом, когда у одних пошла, у других – нет кой-какая печатная, экранная, сценическая, выставочная судьба, когда многие уже показали свои острые зубы и многие уже получили по этим зубам, а время ожидания, оживления замерло, постепенно, естественным образом начался распад прежде сплоченного товарищества: реже стали собираться, потребность в устных «публикациях» исчезала. У каждого появились свои дела, определялись собственные судьбы.

Журналистская поденщина в АПН тяготила Артура Макарова, и со свойственным ему упорством он стремился заняться настоящей Литературой. «Артур принес пронзительный и свежий рассказ о деревенском житье-бытье, которое наблюдал буквально из окна, – вспоминал Михаил Рощин, который в ту пору работал редактором отдела прозы журнала «Новый мир», – и в один день стал знаменитым… Рассказ Артура очень складно попал в эту волну… Макаров рано и удачно нашел свой стиль, покойно-размеренный, тургенев-

ски-ясный, размеренный, как охотничья поступь по лесу, по бережку, по закраинам болот и т. п. Читать его приятно и спокойно».

Его прозаический дебют состоялся в августе 1966 года, когда ему уже стукнуло 35. Но зато какой это был дебют! Рассказ Макарова «Дома» был удостоен чести быть опубликованным в юбилейном, 500-м номере журнала. В том же году в октябрьской книжке журнала появился еще один рассказ Артура Макарова «Накануне прощания», от которого пришел в восторг сам главный редактор «Нового мира» Александр Твардовский.

А уже в марте следующего года Секретариат Союза писателей СССР вынес вердикт об «идейно-художественных просчетах и недостатках журнала «Новый мир». В ряду авторов, «односторонне освещающих нашу действительность, обедняющих советского человека», рядом с именами Александра Солженицына, Бориса Можаева значилась скромная фамилия Макарова. Так он получил «волчий билет» в официальную советскую литературу.

Артур купил избу в глухой деревеньке Заборовке на Верхней Волге и зажил обычной жизнью сельского мужика: плотничал, промышлял охотой и рыбалкой, в качестве внештатного рыбинспектора гонял браконьеров.

И продолжал писать, но «в стол». Из рассказа «Придурки»: «…И я думал и думал о том, как же случилось, что столько крови, ненависти и слез дали неумолимо выжать из

себя люди во имя того, чтобы земля, за которую уплатилось столь жестокой ценой, заросла хламными породами деревьев, затянулась ржавой водой. Как явилось, что в исконно русских краях удачливое воровство ныне ставится много выше трудолюбия, агрессивное хамство возвысилось до норм поведения, таимая прежде жестокость стала обыденной. Как?..»

Лишенный выхода на издательства и в «толстые журналы», он вскоре занялся непростым, но весьма прибыльным литературным промыслом – писанием киносценариев. Слава богу, в кинематографических кругах знакомств с головой хватало. Для начала принялся «окучивать» среднеазиатские киностудии. За фильм «Служу Отечеству» даже был удостоен Государственной премии Узбекской ССР.

«Я с ним и при жизни ругался и сейчас могу повторить, что он зря расходовал себя на кино, на то, что сейчас называется «экшн», – рассказывал все тот же Михаил Рощин. – Он мог вырасти в очень интересного прозаика, если бы меньше мотался по студиям страны… Не одному ему надо было зарабатывать…»

Андрей Тарковский на сей счет высказывался еще жестче: «…Пробуждают во мне сочувствие те художники, поэты, писатели, которые полагают, что они попали в ситуацию, когда «работать» для них становится невозможным… Чтобы выжить, требуется немногое. Но зато ты свободен в своей работе. Издаваться, выставляться – это, конечно, необходимо, но

когда это становится невозможным, для каждого все же всегда остается самое существенное – возможность заниматься творчеством, не дожидаясь чьего-либо разрешения… Если писатель, невзирая на свой талант, прекращает писать, потому что его не издают, он и не писатель, собственно. Воля к творчеству отличает художника от нехудожника, и это решающий критерий для истинного таланта…»

Работая в киноэкспедициях, Макаров по-прежнему близко к себе никого не подпускал. Да и коллеги сами сторонились. Он тихо появлялся на съемочной площадке, тихо уходил. Но иногда взрывался в гневе. Во время съемок «Новые приключения неуловимых» вдрызг разругался со своим соавтором, режиссером-постановщиком Эдмондом Кеосаяном, с которым дружил еще со времен Большого Каретного. Скандал вышел жуткий. Кеосаян даже попытался самостоятельно переделать сценарий, чтобы убрать из титров фамилию Макарова.

Один из главных принципов, которые внушал своим друзьям Левон Кочарян, – взаимовыручка, а в работе – артельность. Попавший в «обойму» по возможности должен был, как ведомый, пытаться впрягать в общую телегу друзей. Кочарян наглядно показывал всем, как следует поступать. Работая в картинах «Увольнение на берег», «Живые и мертвые», он правдами и неправдами проталкивал без всяких проб, пусть даже на эпизодические роли, Владимира Высоцкого.

По мнению кинорежиссера Геннадия Полоки, Высоцкий тоже всегда вносил дух бригадной работы, располагающей доброты, которая открывала людей, хотя он и знал, что «общая телега тяжела». А случись беда, кто-то из близких ему людей заболевал, Владимир бросал все и занимался добыванием дефицитных лекарств, устройством захворавшего человека в больницу, вызванивал лучших врачей и пр. И безумно обожал делать подарки.

Они старались покрепче держаться друг друга, особенно в трудные минуты. В период опалы и вынужденного простоя Андрея Тарковского после «Андрея Рублева» Артур Макаров предложил режиссеру идею нового фильма. И они сочинили сценарную заявку под названием «Пожар». Главным героем был цирковой гимнаст, который участвует в ликвидации пожара на нефтепромысле. Предполагался авантюрный фильм катастроф с множеством трюков и спецэффектов. Прочитав синопсис, Высоцкий сразу заявил о едва прописанном циркаче:

– Эта роль – для меня!

За идею ухватился режиссер Геннадий Полока. Но по разным причинам киностудии от реализации идеи сценаристов отказались.

Долго лежала без движения другая кинодрама Артура Макарова – об отважном рыбинспекторе и его непримиримой войне с браконьерами. Тарковский посоветовал своему вгиковскому приятелю Александру Гордону: «Хорошо было бы

тебе его поставить…» Гордону сценарий понравился: «Все было написано не только с любовным отношением к русской природе, но и с явным знанием преступного мира». Молодой режиссер долго и упорно предлагал сценарий в разные объединения, однако он везде был непроходным из-за скрытых намеков на связь браконьеров с местной милицией, то есть с властью.

В мутные годы дотаганковской биографии Высоцкого друзья, по мнению Люси Абрамовой, любили его, но с жалостью. Творческого человека талант изнутри раздирал. А тут безденежье, беспомощность, обломы на каждом шагу…

Понимая ситуацию и пользуясь своим непререкаемым авторитетом, Левон Кочарян буквально приказал своему приятелю, кинорежиссеру Эдмонду Кеосаяну, который запускался с фильмом «Стряпуха», взять Владимира в картину:

– Кес, мне надо с тобой очень серьезно поговорить. Ты должен взять в свой фильм Володю!

– Лева, что я тебе плохого сделал?! Это же камень на мою шею! Взять человека и воспитывать его!

– Ты должен! И будешь ему, если надо, и режиссером, и опекуном, и отцом!

Кес, само собой, не осмелился ослушаться старшего. Жена Кочаряна Инна позже рассказывала, что отношения у Высоцкого с Эдмондом складывались сложно: «Кеосаян два раза выгонял Высоцкого. И Лева дважды уговаривал Кеосаяна снова его взять. Мы получили очень интересное письмо

от Володи… Это письмо было стилизовано под чеховский рассказ «Ванька Жуков»: «Дорогой Левон Суренович, приезжай поскорее, Кеосаян бьет меня селедкой по голове…»

Более того, режиссер, словно в отместку Высоцкому за шалости, решил озвучить его героя голосом другого актера, чтобы перекрашенного в блондинчика Владимира на экране и вовсе никто не узнал. «Когда вся эта история закончилась, торжествовал Кеосаян, мы у Левы устроили «суд чести», и должен сказать, что Володя признал свою ошибку. Убогая (по драматургическому материалу) роль положительного героя мало помогла Высоцкому, и он с горечью говорил друзьям: «Опозорился, испачкался, а положения не получил. И зачем только я шел на этот компромисс?!.»

В 1965 году молодой директор Одесской киностудии Геннадий Збандут пал под напором фронтовика-десантника Григория Поженяна и разрешил ему самостоятельно поставить фильм «Прощай» о героической операции по захвату в конце войны немецкого морского конвоя. Поэт Поженян был великолепным режиссером по жизни. Но режиссер кино – профессия особая. На помощь другу в качестве спасательного круга пришел всё могущий Левон Кочарян. Пока снимали «Прощай», у Кочаряна, наслушавшегося всяческих историй, былей и баек о героях-черноморцах, возникла идея самому снять лихой приключенческий фильм о войне, о моряках торпедных катеров, совершавших дерзкие вылазки к оккупированному Севастополю.

Вернувшись из киноэкспедиции, Левон вместе с Артуром Макаровым принялись сочинять сценарий. Потом друзья подключили к работе Андрея Тарковского, который переживал далеко не лучший этап в своей жизни. После триумфа «Иванова детства» на Венецианском фестивале начались злоключения с «Андреем Рублевым», вплоть до полной приостановки картины. Полное безденежье плюс развод с женой, отсутствие жилья (свою квартиру он, естественно, оставил Ирме), вынужденное проживание у Кочарянов.

С приходом Тарковского история о лихих торпедниках постепенно превратилась в рассказ о группе десантников, попавших в глубокий тыл врага. Увлекшись, соавторы принялись придумывать фантастические трюковые эпизоды, в которых Кочарян как раз был дока.

– Ребята, это должна быть наша, советская «Великолепная семерка», – убеждал Тарковский, – только не на лошадях, а на автомашинах, велосипедах, самолетах и катерах!

При утверждении сценария и Левона Кочаряна в качестве режиссера Збандут предложил Тарковскому стать художественным руководителем постановки. Тот согласился, подписал договор, получил аванс, связав себя, таким образом, с фильмом намертво. И материальными, и моральными обязательствами.

Режиссер-постановщик на съемочной площадке – это как капитан на корабле, царь и бог. Мудрый Кочарян, получив возможность впервые самостоятельно поставить карти-

ну, решил превратить будущие съемки в увлекательную экспедицию, в «предприятие друзей», коллективное приключение. Он, как добрый волшебник, взял и одним махом переселил компанию с Большого Каретного на южный берег Крыма. Кроме профессиональных актеров: Николая Крючкова, Анатолия Солоницына, Жанны Прохоренко – в киногруппу он включил стармеха Олега Халимонова, колоритного юриста Анатолия Утевского, врача-радиолога Аркадия Свидерского, каскадера Олега Савосина и других знакомых ребят. Юрий Гладков от съемок гордо отказался, сказав, что в роли фашиста сниматься не станет. В фильме должен был сниматься и Владимир Высоцкий, но в тот момент он был занят на съемках фильма «Служили два товарища», а главное – у него вовсю полыхал роман с Мариной Влади.

На съемках в Крыму было весело и бесшабашно, на каждому шагу каждый старался импровизировать, выдумывая какие-то дикие трюки, предлагая новые сюжетные повороты. С приходом зимы художественный руководитель картины Андрей Тарковский уехал в Москву, полагая, что съемки надо законсервировать до следующего лета. Но Кочарян не сдавался, каждый день упрямо назначая съемки. Выходили на катере в бушующее море, пытались снять «летние» сцены, убирали снег с крымских скал, чтобы снять хотя еще один кадр. В конце концов киногруппа вернулась в Одессу, и здесь Кочарян почувствовал себя плохо, во время досъемок у него заболело в паху.

Диагноз потряс: рак, медлить нельзя. Лева лег в онкоцентр на Слободке, где ему и сделали операцию. Съемки были приостановлены. Почувствовав себя лучше, Кочарян улетел в Москву, забрав с собой весь отснятый материал. В начале лета в кабинете директора Одесской киностудии состоялся тяжелый разговор с участием Тарковского и Макарова. Андрей сказал, что Кочарян продолжить работу не сможет, и предложил назначить нового, одесского режиссера. Директора это предложение удивило, и он напомнил Андрею Арсеньевичу, что он является худруком фильма и, пожалуй, только ему и заканчивать картину. Тарковский наотрез отказался. Больше того: сказал, что снимает свою фамилию с титров. Збандута это возмутило, и он заявил, что лично проследит, чтобы фамилия Тарковского стояла в титрах: «И пусть вам будет стыдно, если картина не получится такой, какой вы ее задумывали!» На следующий день в Одессу прилетел Кочарян с твердым намерением самому завершить съемки. Узнав о скандале, он круто поговорил с Тарковским, и Андрей тотчас умчался в Москву, оставив друга один на один с фильмом и болезнью. Больше в Одессу Тарковский не возвращался.

Изрезанный и облученный, Левон продолжал работу: его привозили на съемочную площадку, и он репетировал с актерами, полулежа в кресле на колесиках, и два раза в день медсестра впрыскивала наркотики, чтобы убить боль. Во время съемок Кочарян часто терял сознание, но упорно продолжал

работу, а вся группа, собравшись в кулак, помогала ему их закончить. Но сил на финиш у Левона уже не хватило – монтаж, досъемки, озвучание провел Эдмонд Кеосаян. Премьера состоялась поздней осенью 1968 года в Москве в Доме кино. Как сказал потом Владимир Высоцкий, «Лева Кочарян успел снять только одну картину как режиссер – «Один шанс из тысячи»… Он его поймал и быстро умер… Он жил жарко – вспыхнул и погас – мгновенно».

После премьеры вновь был онкодиспансер. «Однажды мы приехали к нему с Андреем Тарковским. Лева лежал зеленый: он принимал тогда какую-то химию, и цвет лица у него был желто-зеленый, – вспоминал о тех тяжелых днях Юрий Гладков. – Мы были настроены очень решительно: расцеловали, растормошили его. И Лева немного приободрился…»

«Потом начался странный процесс ремиссии, – продолжал рассказ Юлиан Семенов, – и Левон неожиданно для всех стал прежним Левоном, когда вместе учились, ездили танцевать в «Спорт», устраивали шумные «процессы» в молодежном клубе, который помещался в церкви на Бакунинской, и сражались в баскетбол с Институтом востоковедения в спортивном зале «Крылышек»… «В больницу, – подхватывал нить «истории болезни» Михаил Туманишвили, – мы не просто приходили и навещали – мы его похищали… То домой, то в шашлычную… А Лева все спрашивал: «А где Володя?» Лева жутко переживал это…» Кеосаян подозревал Высоцкого в черствости: «Кочарян болеет месяц, два, три –

Володя не приходит. Однажды Лева мне говорит: «Знаешь, Володя приходил. Принес новые стихи – потрясающие!» И начал мне про эти стихи рассказывать. А Володя ведь не был в больнице, просто кто-то принес эти стихи… А в конце громадный Лева весил, наверное, килограммов сорок. И вот однажды он мне говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.